

ИДУ ЗА ГАШЕКОМ

2207 Александр ДУНАЕВСКИЙ

В эти дни, когда все прогрессивное человечество отмечает столетие со дня рождения выдающегося писателя-интернационалиста Ярослава Гашека, во многих странах выходят книги, посвященные талантливому сатирику. К сожалению, за рубежом появились и издания

другого рода, пытающиеся исказить образ Гашека, навести тень на него, представить его пребывание в Советской России в ином свете. Об одном из таких случаев и рассказывает писатель А. Дунаевский.

ДЕЖУРНАЯ по Пражской научной библиотеке оторвала меня от старой газетной подшивки: сообщила, что со мной хочет поговорить приват-доцент западноберлинского университета Ян Бервид-Буквой. Он пишет монографию о чешском сатирике и, узнав, что в Праге находится советский писатель, автор повести «Иду за Гашеком», хотел бы встретиться.

Представившись, Бервид-Буквой начал с того, что родился в Чехии и интересуется Гашеком с... шести лет. В зрелые годы прочел все, что написано им и о нем. Знаком и с моей повестью, но не во всем согласен с автором. Не верит, к примеру, в подлинность письма-ответа Гашека Салату-Петрлику, тогдашнему председателю Центрального Чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б), созданного в Москве весной двадцатого года.

— Письмо не гашековское, фальшивка, — изрек Бервид-Буквой.

Я был удивлен. Ксерокопию письма мне выдали в Пражском партийном архиве.

Вот что он писал от 17 сентября 1920 года из Восточной Сибири: «Ваше письмо меня порадовало: оно говорит о том, что на меня больше не смотрят, как на человека легкомысленного, неустойчивого. Неустойчивость свою я утратил в течение тридцати месяцев непрерывной работы в Коммунистической партии и на фронте... Путь от Симбирска до Иркутска я прошел с Красной Армией, где на моих плечах лежал груз различных ответственных обязанностей — партийных и административных...»

Да, в то время он был начальником интернационального отделения политотдела армии, заведовал чехословацким отделом при Иркутском губкоме партии. «Потом я — редактор и издатель трех газет — немецкой «Штурм», в которой я сам пишу статьи, венгерской «Рогам», в которой у меня есть сотрудники, и бурят-монгольской «Ур», в которой пишу все статьи — не пугайся, не по-монгольски, а по-русски, — у меня есть переводчики, — писал Гашек. —...Сейчас на мне висит РВС армии, чтобы я издавал корейско-китайскую газету. ...Если я поеду в Чехию, то не для того, чтобы любоваться чистыми улицами Праги или проверить, пишут ли еще газеты, что я «приказался к коммунизму». Поеду туда, чтобы отхлестать по задку славное чешское правительство с такой же энергией, с какой я привык делать это за годы боев нашей Пятой

армии с сибирской реакцией покойного адмирала»...

Стиль, манера письма — гашековские. Перечисленные должности имеют документальные подтверждения.

Однако какими же доказательствами располагает приват-доцент, утверждая, что это письмо — фальшивка?

— Весьма убедительными, — парирует Бервид-Буквой. — Если, допустим, было такое письмо, то почему мы о нем узнали через тридцать с лишним лет?

— Находят же письма Пушкина, Лермонтова, Достоевского даже через сто лет!..

— Находят подлинники, — возразил приват-доцент, — а не подозрительные копии, не имеющие выходных архивных источников. Куда, спрашивается, исчезло само письмо и существовало ли оно вообще? Вы не заметили или не хотите заметить еще одной детали. Хотя письмо составлено по-чешски, в нем попадаются русские слова. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что писал его не чех, не Гашек. Почерк могли подделать.

Чувствую, что мои аргументы не убедили приват-доцента. Обещаю, что сразу же по возвращении в Москву передам ксерокопию и для сравнения несколько других документов: собственноручно написанных Гашеком, известному эксперту-почерковеду. Пусть определит, кто прав.

УТРОМ меня разбудил настойчивый телефонный звонок переводчицы Магды:

— Послушайте, Бервид-Буквой приготовил для вас «бомбу», способную разрушить ошибочное, по его мнению, представление о причинах внезапного отъезда Гашека из России. Приват-доцент готов встретиться сегодня в десять ноль-ноль...

— Вот вы писали, что после возвращения в Прагу Гашек не изменил своих взглядов, остался верен коммунистическим идеалам, — продолжил прерванный накануне разговор Бервид-Буквой. — Но почему тогда, спрашивается, вернувшись на родину, он старался никому не рассказывать, чем занимался в Советской России? А если и говорил об этом, то только оставшись наедине с супругой Александрой Львовой?

— Откуда это вам известно?

— Из советских источников. Разве вы не читали брошюру «Ярослав Гашек в Башкирии»? Я, конечно же, читал. И даже помню наизусть строки, которые можно толковать двояко: «...Ни Гашек, ни Шура никому не рассказывали о своей прош-

лой жизни... Только оставшись наедине, они говорили о России, об Уфе, о родственниках».

— Разве вы не догадываетесь, почему они говорили о России только наедине? — кипятился приват-доцент. — Потому что Гашек с женой бежал из России! Удирал от большевиков, от их суда и сурового приговора.

— Какая нелепая выдумка, господин Бервид-Буквой!.. У нас же с вами серьезный разговор! Откуда вы взяли, что Гашек бежал из России?

— По логике вещей. Бежал же он от анархо-коммунистов, бежал из австрийской армии, а позже от легионеров... и от большевиков тоже.

— А где факты? — Пожалуйста. Ознакомьтесь с книгой Густава Яноуха «Гашек — отец бессердного Швейка». Там их — лопатой гребь.

Пришлось признаться: об этой книге я слышу впервые. Она вышла в Мюнхене и Берне.

Принесли книгу и перевели ту страницу, на которую ссылался приват-доцент. Яноух писал, что буржуазия всегда видела в Гашеке красного комиссара, а большевики-де — сомнительного и неустойчивого человека.

— На чьи свидетельства ссылается автор?

— На воспоминания Львовой...

— Львовой?! Не может быть! Все написанное вдовой выдающегося чешского сатирика помню чуть ли не наизусть. Александра Гавриловна прошла с Гашеком по дорогам войны от Уфы до Иркутска, видела, как уважали и ценили его.

— В каком году вышла книга Яноуха?

— В шестьдесят шестом.

— А Львова умерла в шестьдесят пятом. Естественно, что все, приписанное ей Яноухом, опровергнуть она уже не могла.

Читал я и интервью, которые Львова давала: никому и никогда она не говорила о бегстве Гашека из России. Наоборот, в своих воспоминаниях Александра Гавриловна писала, как сибирские товарищи тепло провожали Гашека. Все они считали его убежденным и образованным коммунистом.

— Это, как у вас в России говорят, бабушка надвое сказала, — не сдавался приват-доцент. — Если вы Яноуху не верите и считаете написанное им клеветой, надеюсь, вы читали статью «Ярослав Гашек, жизнь и творчество», опубликованную в тридцатых годах в журнале «Литература мировой революции», выходившем в Москве.

— Как же, помню, читал.

По пути из Новосибирска в Красноярск в теплушке автор статьи встретился с человеком в военной шинели (фамилия в очерке не названа), который отрекотендовался знакомым Гашека. «В Красноярске жил в одном доме, но имел с ним мало дела. Насколько я наблюдал и знал, он работал хорошо. В области теории тогда ведь немного требовалось. Он не был марксистом или коммунистом в теоретическом смысле этого слова. Несмотря на свою точность, он был очень подвижен...»

Это безответственное высказывание безымянного полутчика, к сожалению, теперь механически кочует из одной книги в другую. А следовало бы задуматься. Ведь хорошо известно, что Гашек не только изучал в России марксизм, но и преподавал в партийной школе Поарма.

Как можно относиться с доверием к словам случайного человека? Ну хотя бы о том, что Гашек, мол, несмотря на свою тучность, был очень подвижен.

Достаю из папки три фотоснимка, сделанных на Урале и в Сибири. Таким он запомнился всем, кто знал его. Подобные снимки, изобличающие лжеца, запечатлены в книге, вышедшей в нынешнем году, объявленном ЮНЕСКО годом Гашека.

★

А как же обстоит дело с письмом Салату-Петрлику? В Москве я передал ксерокопию известному эксперту-почерковеду Валерии Николаевне Визировой. За четверть века работы ей приходилось исследовать тысячи различных почерков. Визирова пришла к выводу, что письмо, посланное из Иркутска Салату-Петрлику 17 сентября 1920 года, принадлежит Ярославу Гашеку и «не может повторяться в почерке другого лица». Это авторитетное заключение я послал Бервиду-Буквой.

Как бы то ни было, нелшшим будет напомнить приват-доценту строки из статьи Ивана Ольбрахта, напечатанной в «Руде право» еще в двадцать первом году, где воздавалось должное Ярославу Гашеку: «Он снова смеется над целым светом. И только над одним — нет: над коммунизмом и своим омским прошлым. Это было его лучшее прошлое».

Живи Ярослав Гашек, он бы зло высмеял яноухов и ему подобных клеветников, тщетно пытавшихся перечеркнуть его лучшее прошлое в революционной России.